
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

БЕСПАЛЫЙ Ю. Н., докторант Белорусского государственного университета культуры и искусств

Векторы развития белорусской культуры в период системного кризиса Речи Посполитой

В статье рассматриваются особенности третьего этапа процесса динамики белорусского общества со второй половины XVII в. до разделов Речи Посполитой конца XVIII в. Используемый материал достаточно выразительно отражает, с одной стороны, регресс культуры всех слоев общества, с другой, как ни удивительно, – появление новых веяний в материальной и духовной культуре. Делается попытка отразить сложнейшие внутренние процессы развития белорусской культуры в среде шляхетского сословия, перемены в становлении городского сословия и неизменность статуса крестьянского сословия.

The article discusses the features of the third stage of the process of the dynamics of the Belarusian society from the second half of the 17th century to the present to the divisions of the Commonwealth at the end of the 18th century. The material used quite expressively reflects, on the one hand, the regression of the culture of all strata of society, on the other hand, surprisingly, the emergence of new trends in material and spiritual culture. An attempt is made to reflect the most complex internal processes of the development of Belarusian culture among the gentry class, changes in the formation of the urban class and the immutability of the status of the peasant class.

Введение. Если исходить из временных рамок социодинамики, то происходящие в белорусской культуре изменения охватывают период с IX в. и до настоящего времени. В нем можно выделить несколько микромасштабных этапов, отличающихся качественно: IX – середина XIII в., сред. XIII – сред. XV в.; сред. XV – сред. XVII в.; сред. XVII – конец XVIII в.; XIX – начало XX в.; 1920 – 1980-е гг.; 1990-е – по настоящее время. Период со второй половины XVII в. до периода разделов Речи Посполитой конца XVIII в. принято считать периодом «системного кризиса» Речи Посполитой. Это период, когда каждое сословие Речи Посполитой

испытало на себе разрывающую силу центробежных сил, смещение центров власти, влияние других культур. Естественно, что реакция сословий Речи Посполитой была неоднородной, что было обусловлено внутренними политическими и культурными обстоятельствами, важнейшими из которых можно назвать «золотую вольницу» шляхты, поликонфессиональность, слабое экономическое развитие и др.

Источниками исследования социодинамики на белорусских территориях в период кризиса выступает мемуарная литература, к примеру, дневники М. Радзивилла (Рыбоньки), короля и великого

князя Ст. Понятовского, князя Л. Сапеги, Ю. Урсын-Немцевича и др. Весьма разнообразна исследовательская литература, среди ее авторов назовем Г. И. Барышева, А. А. Гладышука, А. Н. Кушнеревича, А. И. Мальдиса, А. А. Сушу, В. Чаропку и др.

Динамика шляхетского сословия, его идеология и культура во второй половине XVII–XVIII в. отражала борьбу между магнатами за власть в ВКЛ, но, как писал один из исследователей, это уже была борьба не богатырей, а возня марионеток иностранных государств [1, с. 37].

Цель статьи – анализ общественных и культурных процессов, происходящих на белорусских землях в период системного кризиса Речи Посполитой.

Основная часть. Характерную черту социодинамики во второй половине XVII в. составляли попытки шляхты ВКЛ подчеркнуть свою независимость от Короны Польской. Противостояние оформилось в начале столетия вокруг кандидатуры виленского епископа. По настоянию короля и великого князя Сигизмунда III Ваза должность должен был занять выходец из Польши, но победа осталась за литвинами, т. к. должность занял Ю. Радзивилл.

Так называемый «литовский сепаратизм» выразительно проявился в стремлении Януша Радзивилла разорвать Люблинскую унию с католической Польшей и заключить (т. н. Кейдановскую) унию с протестантской Швецией. Но проект не был осуществлен, а для польской стороны Я. Радзивилл навсегда остался предателем.

После окончания опустошительной русско-польско-шведской войны 1654–1667 гг. магнateria ВКЛ вместо восстановления экономики развязала фактически гражданскую войну, которая получила название «домашней», потому что в это время начиналась «соседская» война между Россией и Швецией. Целью противостояния магнатских группировок была власть в ВКЛ. Борьба была необычайно жестокой, в ней участвовали

короли и великие князья. Былое единство, родственные связи магнатских родов отходили в прошлое. На просторах бывшего государства перемешались вооруженные отряды Сапег, Вшиневецких, Огинских и др. Они поддерживали претендентов на трон великого князя и короля, создавали конфедерации, и в итоге их позиция привела к расколу в 1703 г. Речи Посполитой на две части. Такая ситуация просуществовала до 1702 г., когда с помощью России на трон возвратился Август II. Этому не смогла помешать очередная шляхетская конфедерация, зато влиятельные верхи ВКЛ поддержали его сына.

В период правления Августа III (1733–1763) магнаты ВКЛ и в целом Речи Посполитой поделились на два лагеря: сторонники короля – Чарторийские, Сапеги, Радзивиллы, противников возглавляли Потоцкие. Противостояние привело фактически к полной децентрализации государства.

Ни одна из магнатских группировок не имела сил захватить власть, она только могла не допустить к власти противника. Но с помощью России Чарторийские смогли организовать избрание своего родственника Станислава Понятовского королем и великим князем. Таким образом, динамика верхушки шляхетского сословия выразительно демонстрировала «возню марионеток иностранных государств», которых не страшила даже потеря независимости.

Динамика средней и мелкой шляхты отражала ее стремление получить как можно больше «золотых шляхетских вольностей». В 1673 г. шляхта ВКЛ добилась проведения каждого третьего сейма в Гродно. Наконец в 1696 г. произошло уравнение прав коронной и великокняжеской шляхты и объявлено о создании единства «польский народ шляхетский». Общим правилом существования шляхты продолжала оставаться верность традиции в общественной и личной жизни, т. е. идея «сарматизма». Он проявлялся в материальной культуре через соединение

восточных, западноевропейских и национальных элементов. Таким образом, XVIII ст. стало «местом встречи» двух культурных направлений традиционного (сарматского) и нового (просветительского). Претерпевали изменения и представления о шляхетском идеале, в котором ранее проявлялись такие черты, как носитель спрдавечных правил, набожного, экзальтированного противника всего нового и чужого. На смену этим характеристикам приходили новые представления: шляхтич – это человек разумный, рациональный и скептик, реформатор, атеист и т. д. Даже внешне эти два типа – старосветский и европеизированный, разительно отличались. Ю. Урсын Немцевич описывает свое детское впечатление от встречи с одетым по-европейски гостем: «Я остолбенел и после долгого молчания громко спросил: “Папа, кто это?”» (2, с. 59).

Но проблема заключалась не во внешних атрибуциях, она представлялась намного глубже. Главной идеей старосветской шляхты оставалась уверенность в доскональности и недопустимости перемен государственного строя. Свообразным гарантом этого выступали кардинальные права, сформированные из Генриховых артикулов (1573) и Пакта конвента (1573). Они были объединены в 1632 г. и приобрели статус конституционных положений, которым присягал каждый король и великий князь.

Второй важнейший принцип, за который десятилетиями боролись шляхетские массы, – равноправие сторон, т. е. между королем, магнатской верхушкой и шляхтой, т. к. ни одна из сторон не могла присвоить власть без согласия остальных. К возможным нарушителям этого принципа могли применяться соответствующие меры наказания: нарушитель принципа триединства объявлялся преступником; шляхта получила право не подчиняться главе государства, если он не выполнял своих обязанностей, и др.

Методами преодоления данного нарушения стали оппозиционные воен-

но-политические объединения шляхты под названием «конфедерация» и «вооруженные выступления» против короля под названием «рокош». И той и другой формами сопротивления на протяжении XVIII в. шляхта пользовалась активно.

Еще одной формой демонстрации оппозиционных настроений было активное использование послами сейма права «Liberum Veta», что приводило к блокированию деятельности высшего законодательного органа.

Целенаправленная борьба шляхты за золотые шляхетские вольности привела к возрастанию роли сейма, особенно польской избы, состоящей из депутатов (послов) от уездов.

По решению сейма взимались налоги, созывалось «посполитое рушенне», происходила нобилитация, т. е. возведение в шляхетскую годность. Таким образом не только увеличивалось количество, главным образом, небогатой шляхты, но и гипотетически предполагалось ее участие в выборах короля. Это признавалось главным фундаментом и матерью вольности, т. к. каждый шляхтич считал себя достойным занять высший пост в государстве. На элекционный поле съезжалось до 40 тыс. вооруженной шляхты, происходили стычки противоборствующих сторон, были убитые и раненые.

Ненамного лучше была ситуация и на местах. В дневнике skarбового писаря И. Лапатинского содержится описание следующего эпизода, происходящего в костеле Мстиславля: «Когда Леон Ильич, городской писарь с партии Воловича, хотел старосветским топором ударить в лоб подстаросте Шпилевскому, но он сбежал ... Началась драка, которая продолжалась час, оказалось много посеченных, а двое умерли».

Дополняя картину, Ст. Понятовский дает эмоциональное описание танцев, которые длились почти сутки в доме брестского старосты и сопровождалась обильными возлияниями и неприкрытыми ухаживаниями за чужой женой, престарелый муж которой выступал в роли

единственного зрителя двух пар танцоров [4, с. 241].

Конфессиональная ситуация в Речи Посполитой складывалась неравнозначно. Она понималась как равноправие всех христианских конфессий, законодательно закрепленным в середине XVI в. Но в середине XVII в. (1658) из Речи Посполитой были изгнаны антитринитари, во многих местах насильно насаждалась уния, а против православных использовались самые дискриминационные меры, несмотря на грамоту Владислава IV от 1632 г. о свободе вероисповедания.

Но по прошествии короткого времени в 1667 г. католическое духовенство освободили от военных обязательств, а православное низшее духовенство продолжало платить военный налог. В 1676 г. православным было запрещено выезжать и приезжать из-за границы, по закону 1699 г. в местные органы власти избирались только католики и униаты, на сейме 1718 г. был даже принят проект закона об окончательной ликвидации православия в ВКЛ, постановление сейма 1732 г. запрещало православным устраивать съезды, собрания и т. д. Отрицать, что подобное отношение к традиционной (православной) церкви вызывало не только напряжение внутри государства, но провоцировало вмешательство православной России, нет оснований. Под давлением русских войск в 1768 г. на сейм в Радоне было одобрено положение о свободе греческого исповедания, признания за его сторонниками политических и общественных прав. Но условия соглашения фактически остались только на бумаге. Участники разнообразных конфедераций, особенно Барской, выступающих против нарушения «старинны», активно демонстрировали отрицательное отношение к диссидентскому вопросу. Ю. Урсин Немцевич описывал, как группки конфедератов проносились везде, предавали смерти лютеран и кальвинистов. Они предприняли неудавшуюся попытку захватить и даже убить короля. Преследованиям подвергались даже

православные иерархи, возглавляющие епархии, созданные на присоединенных территориях.

Социодинамика городского населения в рассматриваемый период также демонстрировала регресс. Для этого имелась объективная причина: разрушение многих городов и городского хозяйства, гибель многих жителей в результате войн 1654/55–1667 гг. и 1701–1709 гг. Но тем не менее города постепенно восстанавливали свою главную функцию – оставались центрами ремесла и торговли. Одновременно происходили два процесса: распадалась тормозящая прогресс цеховая система и постепенно проявлялась ремесленная специализация городов. Последнее содействовало расширению внутренней торговли как между регионами, так и городом, и его сельской округой.

Продолжала развиваться международная торговля с Ригой, Кенигсбергом, Россией и т. д., на 80% состоящая из торговли зерном. Значительную роль в местной экономической жизни играли сезонные ярмарки и повседневная торговля. Но, к сожалению, государство не поддерживало торговцев и ремесленников, к примеру, таможенные сборы платили только городские купцы. Владельцы имений, т. е. шляхта, которая осуществляла торговлю через посредников, сборов не платила. Четыре года (1764–1768) в области торговли действовали новые правила: привилегии шляхты отменялись, устанавливалась единая генеральная пошлина и др. Но закон 1768 г. вернул все на прежние позиции, а в 1776 г. все небольшие города, имеющие магдебургское право, были его лишены по причине своего «земледельческого характера». Оно осталось только в 8-ми городах, хотя некоторые исследователи оспаривают данную цифру [5, с.18].

Среди положительных явлений, влияющих на социодинамику городского населения, следует назвать решение сейма 1775 г., разрешающее всем мещанам покупать деревни, землю на разных условиях. Во время Четырехлетнего сейма

17 марта 1791 г. был принят закон, по которому мещан не могли брать под стражу без суда. Городские жители (безусловно, из рядов патрициата) получили право на офицерские звания, профессию адвоката и даже на реабилитацию и право избирать своих представителей в сейм.

Но шляхта оставалась верна своим старосветским представлениям и продолжала рассматривать городской патрициат не как равных. Им запрещалось носить шелковые платья, меха. Шляхта не могла допустить ухудшения «чистоты шляхства».

Однако упомянутые законы не вступили в действие, и мещанство осталось сословием, замкнутым в своем экономическом и культурном поле.

Что касается крестьянства, то о никакой социодинамике речь идти не может, т. к. перед ним стояла демографическая проблема: восстановление численности, которая сократилась в результате войн фактически наполовину. Только в последние десятилетия XVIII ст. ситуация несколько стабилизировалась.

Неимоверным напряжением всех сил крестьянству удалось постепенно к 60–70 гг. XVIII ст. восстановить сельское хозяйство. Одновременно группа государственных крестьян целеустремленно сопротивлялась попыткам владельцев и арендаторов усилить их эксплуатацию.

После разделов Речи Посполитой положение крестьян (особенно государственных) ухудшилось, что отразилось даже в народных преданиях: «Мы раней были багаты, было ў нас трыццаць коней. ... заступілі памешчыкі з Масквы, каней пазабіралі, ... засталася толькі тры». Установленный новый миропорядок также негативно воспринимался крестьянским миром: «Пакуль Кацярынушка не забрала край, – зімы былі карацей, а як забрала, – лета стала карцейшым». В обыденной жизни крестьян очень проявлялись различия в языке, обычаях и ментальности с новыми владельцами.

На взгляд автора, самая выразительная черта XVII–XVIII вв. – это динами-

ка культуры. Наблюдается тенденция ее развития в общеевропейском русле: восприятие идей эпохи Просвещения о человеке как разумном существе; научных достижений, особенно популярными были идеи физиократов; создание системы образования – трех- и пятиклассных иезуитских училищ, структуре пиарских училищ, образовательной комиссии (1773 г. – прообраз современного министерства образования) и другие преобразования. Показательно, что образование было бесплатным, в училища набирали даже крестьянских детей. Многие выходцы из небогатой шляхты, получив на родине фундаментальные знания в Виленской главной школе, Свислочской и минской гимназиях, внесли заметный вклад в развитие разных областей знаний. К примеру, К. Калайдович – исследование белорусского языка, автор краткого словаря «О белорусском говоре», В. В. Пеликан – ученый в области медицины, Я. З. Фальковский – основатель обучения глухонемых детей; И. Быковский – белорусский философ, писатель, переводчик, автор сборников «Деревенские вечера», «Стихотворения» и др. Фр. Смучлевич – белорусский живописец и график, автор росписей многих церквей и костелов. В один ряд с перечисленными учеными необходимо назвать И. Хрептовича, М. Почобут-Одлянцкога, К. Вырвичу, М. Матушевича, С. Оскерка, Ст. Богущ-Сестранцевича, Ф. У. Радзивилл и др., которые внесли заметный вклад в развитие белорусской материальной и нематериальной культуры.

Свидетельством проявления динамики в социокультурной жизни белорусской территории ВКЛ является формирование частных библиотек, увеличение количества типографий с двух до 11-ти, активное внедрение в культовых строениях стиля барокко и его белорусского (виленского) варианта.

Заключение. Таким образом, динамика сословий в ВКЛ отражает не идеальную социокультурную панораму, где все жили свободно и счастливо (под всеми имелся в

виду «избранный сарматский народ») в составе мощной и великой державы. Векторы белорусской культуры в изучаемый период также были разнонаправлены: прогрессивная часть правящего сословия поддерживала идеи Просвещения, но другая часть шляхты не отказалась от идей «золотой вольницы» шляхты и сарматизма, не приняла идеи необходимости трансформации и объединения, что в результате привело к системному кризису Речи Посполитой и последующему исчезновению ее с политической карты Европы.

1. Прыбытка, Г. Барацьба магнацкіх групавак у другой паловы XVII–XVIII стст. / Г. Прыбытка // Спадчына. – 1995. – № 5. – С. 33–38.
2. Гладышчук, А. А. Нямецвічы. Сапраўдныя гісторыі: гістарычна-дакументальны нарыс / А. А. Гладышчук. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2009. – 288 с.
3. Липатов, А. В. Великое княжество Литовское: исторический феномен симбиоза этнических культур (к вопросу о национальных путях возвращения в наднациональную Европу) / А. В. Липатов // Вопросы философии. – 2003. – № 11. – С. 59–68.
4. Мальдзіс, А. І. Як жылі нашы продкі ў XVIII ст. / А. І. Мальдзіс. – Мінск : Мастац. літ., 1996. – 479 с.
5. Атрушкевич, М. М. Законодательные акты в городах второй половины XVIII в. и особенности их реализации в Беларуси : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. М. Атрушкевич ; БГПУ. – Минск, 2000. – 23 с.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023